

ГОСУДАРСТВО И СИСТЕМНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В ЭКОНОМИКЕ

**Государственная политика
как необходимый инструмент
системных преобразований
в промышленности**

А. И. Ситников

Преобразования 1990-х гг. имели своей целью повышение эффективности экономики. Однако из-за ошибок реформирования не только не были достигнуты декларированные цели, но экономике страны в целом и промышленности в частности был нанесен значительный ущерб. Результатом реформ стала деградация значительной части промышленного потенциала.

В подтверждение нашего вывода сошлемся на вполне авторитетное в этом вопросе мнение генерального директора «Рособоронэкспорта», которое он высказал по поводу ситуации в машиностроении — сердцевины промышленности, в значительной степени обуславливающей состояние и развитие всей отрасли¹. «Отдельные отрасли российского машиностроительного комплекса отстают от мировых стандартов на 20–30 лет. (То есть, в 1985 г., в начале перестройки, они примерно соответствовали мировому уровню. — *Примечание автора статьи*). Зачастую продукция наших машиностроителей имеет низкое качество и высокую энергозатратность. Сегодняшнее состояние отечественного машиностроения исчерпало возможность конкурировать на внешнем да и на внутреннем рынке. В 1960 г. наша страна вышла на первое место в мире по производству тракторов. В тот год сошло с конвейера 238,5 тысячи единиц. Через 15 лет тракторов различных марок было выпущено уже более полумиллиона — 550,4 тысячи. Амери-

¹ Интервью С. Чемезова «Независимой газете» от 27 апреля 2007 г.

канцы, занимающие вторую строчку в тракторостроительном рейтинге, производили менее половины этого количества. Сейчас мы не можем обеспечить и 15 тысяч. И за границей наша продукция пользовалась успехом. Около четырех десятков, как тогда говорили, капиталистических стран закупали наши трактора. А по общему объему выпускаемой машиностроительной продукции Советский Союз в 70-х гг. занимал первое место в Европе и второе после США в мире. Авиапромышленность СССР в лучшие годы только в гражданском секторе выпускала по 150 магистральных, региональных и грузовых самолетов плюс три сотни вертолетов. Показатели в военном авиапроизводстве были еще выше — по 620 самолетов и 390 вертолетов. Теперь сравните: в последний год уходящего века весь российский авиапром построил всего девять гражданских самолетов. А вот безрадостная динамика последних лет. 2003 г. — в России произведено 11 гражданских самолетов, 2004 г. — 17 и 2005 г. — 18. Тот же „Боинг“ выпускает сейчас более шестисот авиалайнеров в год, а производительность труда там почти в 30 раз выше, чем на наших предприятиях. И это не абстрактные цифры. Еще не так давно наши верфи строили по 50 военных судов в год. Сейчас, чтобы спустить на воду головную подводную лодку стратегического назначения четвертого поколения „Юрий Долгорукий“, потребовалось 11 лет. Это очень большой срок даже для такого уникального проекта. Но в гражданском судостроении дела идут еще хуже. По оценке Минпромэнерго России, отечественные заказчики размещают в России лишь 5,8 % своих заказов. За сравнительно небольшой срок у нас в 10 и более раз сократилось производство металлорежущих станков, автоматических и полуавтоматических линий, комбайнов и другой продукции машиностроения. Всего же доля машиностроения в общем объеме выпуска отечественной промышленной продукции составляет не более 20 %, тогда как в США, Японии и Германии эти показатели соответственно составляют 46, 51 и 54 %. Обрушился — иного слова не нахожу — удельный вес машиностроительных изделий и в общем объеме российского экспорта. Если в 1970 г. он составлял 21,5 %, то сейчас — чуть более трех. Для сравнения — в США эта цифра равняется 93 %».

Примерно к таким же выводам пришли эксперты Всемирного банка в своем докладе о состоянии экономики России в ноябре 2007 г. Они отметили усилившуюся примитивизацию российской экономики, упрощение структуры экспорта и усиление зависимости от вывоза энергоносителей. Доля экспорта продукции обрабатывающей промышленности для России не превышает 8 %. Доля «технологически новых или усовершенствованных изделий» в российском экспорте составляет всего 2,8 %.

Подчеркнем, что это даже не непосредственные результаты реформ советской промышленности, а результаты развития в соответствии с выбранным курсом в течение 15–16 лет, которые в отсутствии внятной и по-

следовательной государственной промышленной политики, по утверждению реформаторов должны были решить все проблемы становления эффективной промышленности.

В последние годы появилось официальное мнение, что все исправлено или находится в стадии исправления. В этой связи сошлемся на А. Илларионова, бывшего экономического советника президента. По его словам: «ВВП по сравнению с августом 1998 г. вырос на 75,9 процента, объем инвестиций — на 142,9 процента, а индекс промпроизводства в отношении к такой отрасли, как машиностроение — на 132,5 процента. ... Экономика практически вышла на точку, с которой кризис начался, и ВВП на душу населения достиг или в ближайшие месяцы достигнет уровня 1989 г. Впрочем, можно на это смотреть и иначе. Прошло 17 лет, и мы только возвращаемся к прежним показателям, в то время как некоторые показатели все еще существенно ниже 1989 г. Так, если сравнить индексы промышленного производства по отраслям за 1989 и 2006 гг., то окажется, что все отрасли, кроме газовой (109,5 процента), не дотягивают до уровня 1989 г. Топливная промышленность находится на уровне 85,5 процента, машиностроение — 48,3 процента, производство стройматериалов — 46,3 процента от уровня 1989 г.

Фактически уничтожена... легкая промышленность, объем производства которой через 17 лет достиг 15 процентов от уровня 1989 г. Всего же средний индекс промышленного производства в путинской России составляет 62,5 процента от уровня 1989 г.»²

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Годы реформ можно считать потерянными для экономики России, значительно увеличившие ее отставание от передовых в экономическом отношении стран.
2. Рыночные механизмы не обеспечили восстановления промышленности страны даже на докризисном уровне, и фактически способствовали ее превращению из промышленно-развитой в сырьевой придаток других экономик.
3. Даже бессистемные государственные меры, предпринятые после 1998 г., оказались более эффективными для развития российской промышленности, чем рыночные механизмы.

Тем не менее, в структурах госуправления на всех уровнях, научных кругах и общественности продолжается спор о государственном вмешательстве в экономику, о его масштабах в целом и о государственной промышленной политике в частности.

² Цитируется по интернет-ресурсу: Lenta.ru: Комментарий: <http://lenta.ru/articles/2006/12/27/illarionov/30.01.2007>, вторник, 17:15:25. Обновлено 27.12.2006 в 20:45:16.

Представляется не совсем корректным то, что спор, как правило, ведется в чисто экономической области, т. е. сводится к дилемме: какая экономика эффективней — рыночная или государственно-управляемая. При чем оценивать эффективность предлагается по рыночным критериям. При таком подходе действительно можно найти достаточно аргументов в пользу рыночной экономики.

Но сведение спора только к экономическим аспектам не соответствует существующей ситуации в условиях глобализации мира. Основная проблема глобализации заключается в том, что, стирая экономические границы и, делая мировую экономику единой, она сохраняет политические, национально-культурные, социальные и можно сказать цивилизационные границы.

Сохранение этих границ означает и сохранение центров принятия решений, как политических, так и экономических, обусловленных этими границами. Так возникает главное противоречие — единая экономика с частными (локализованными) политически и экономически ориентированными центрами принятия решений. Надо подчеркнуть, что решения при такой системе принимаются либо в интересах граждан тех стран, где находятся эти центры, так как власти, принимающие решения, зависят и ориентируются на своих избирателей, либо в интересах наиболее богатых собственников из-за их ведущей роли в рыночной экономике. Тем самым, целью единой мировой экономики становится удовлетворение потребности отдельных стран и их граждан.

При такой постановке, вопрос уже сводится не к тому, какая экономика эффективней, а к тому, хотим ли мы сохранить свою политическую суверенность и национально-культурную идентичность, т. е. хотим ли мы сохраниться как независимое государство и народ или превратиться в экономическое дополнение к «развитым» странам. А это означает, что спор о том, какая экономика эффективней, должен быть перенесен из чисто экономической плоскости в плоскость государственно-национального существования и развития, частью которого является экономика.

В зависимости от ответа на этот вопрос и будет ясно: должна ли проводиться государственная промышленная политика или нет. При этом надо понимать, что отрицательный ответ на этот вопрос, т. е. не желание народа и государства сохранить самих себя, будет означать не замораживание существующего полугодного и полунического состояния на остатках от нефтегазовых доходов страны, а переход к будущему, которое описала в свое время Маргарет Тэтчер. Говоря о перспективах СССР, она заявила: «...на территории СССР экономически оправдано проживание 15 миллионов человек»³. Обратим внимание — на территории СССР, а не России, т. е. на Россию придется миллионов 10, не больше. Также М. Тэтчер не го-

³ Паршев А. Почему Россия не Америка. М.: Крымский мост-9Д, 1999.

ворила о национальности оставшихся. Очень возможно, она имела в виду китайцев. Такова будет цена отрицательного выбора.

Положительный ответ означает активное участие государства в экономике и организацию комплексного и системного решения проблем сохранения и развития страны. Частью этого решения является проведение государственной промышленной политики.

Важнейшим элементом такой политики является формулирование приоритетов. Государство должно само установить, что и как должна производить экономика. Причем речь идет не о конкретных проектах, а об определении специализации страны в мировом разделении труда. В последнее время как-то упустили тот факт, что современная Россия на 1991 г. это всего половина населения СССР и максимум 70 % его экономического потенциала. Но даже СССР не мог все производить сам. Тем более этого не сможет Россия, и во многом успешность ее развития будет зависеть от нахождения правильной специализации в мировом разделении труда и жесткого отстаивания ее, так как с этим выбором, скорее всего, будут не согласны многие страны, на чьи экономические ниши он будет претендовать.

Причем, так как государственная промышленная политика является не только экономической, но и политической и национально-культурной проблемой, то выбор приоритетов должен включать и эти аспекты. Например, в независимости от экономической целесообразности Россия вынуждена будет еще долгое время сама производить основное необходимое вооружение для сохранения своей суверенной государственности. Также выбор приоритетов должен быть максимально увязан с системой образования, расселения, менталитетом нашего многонационального народа, его трудовой этикой и склонностями и т. д.

И этот вопрос является краеугольным, так как в данном случае речь идет о будущем народа и страны в целом.

Ключевой проблемой выбора приоритетов для нашей страны является определение пропорций между ресурсодобывающей промышленностью и обрабатывающей (в т. ч. инновационной).

Исторически сложилось так, что Россия благодаря титаническим усилиям и жертвам своего народа обладает огромными запасами природных ресурсов. Собственно она является, чуть ли не единственной страной мира, природные ресурсы которой могут обеспечить ей достаточно самостоятельное существование и развитие. Это составляет ее сильную и, одновременно, слабую особенность. Сильная сторона очевидна — ресурсная самодостаточность со всеми вытекающими последствиями и в виде получения доходов (достижения благосостояния граждан), и в виде обеспечения разностороннего экономического развития. Недостатки, как продолжение наших достоинств, заключаются в возможности существования и развития в значительной степени за счет эксплуатации природных ресурсов и претензиях остального мира на эти ресурсы.

Переход к капиталистической экономике в первую очередь усилил именно слабые стороны обладания большими природными ресурсами. Отпуск цен на природные ресурсы и их рост на мировом рынке сделал крайне выгодным вложение капитала в добычу и экспорт полезных ископаемых. При этом надо учитывать, что высокие цены, несмотря на все конъюнктурные колебания, в долгосрочной перспективе будут сохраняться и, скорее всего, расти просто из-за того, что эти ресурсы в принципе не возобновляемы, а спрос на них растет. Это еще больше усиливает заинтересованность капитала во вложениях именно в эти отрасли.

Ограниченность этих ресурсов и большая открытость капиталистической экономики усиливают и претензии остального мира на эти ресурсы, и стремление взять их под контроль либо политически (через договорные обязательства), либо экономически (через собственность).

Финансовые аспекты, как положительные, так и отрицательные, добычи и экспорта природных ресурсов достаточны очевидны. Однако для России максимизация добычи и продажи ресурсов, на что ее толкает капитал, имеет еще один аспект, обычно не рассматриваемый. Она в условиях России потребует больших материальных и трудовых затрат. Это связано с природно-климатическими и транспортными условиями. Проблема не в том, что эти затраты финансово не окупятся, а в том, что они будут отвлечены от использования в других сферах, и, в первую очередь, инновационных. При этом надо учитывать материальные и трудовые ресурсы не только собственно в добыче и транспортировке, но и в сопряженных отраслях. Это и производство металла и труб, и строительной техники для прокладки трубопроводов и т. д.

А ресурсы России, и в первую очередь трудовые, весьма ограничены. Из этого следует, что при максимизации добычи и продажи природных ископаемых в России может просто физически не хватить ресурсов, особенно трудовых, для инновационной деятельности.

Из вышеизложенного вытекает простой вывод: если Россия действительно хочет перейти к инновационной экономике, или, по крайней мере, заметно усилить ее составляющую, должны быть введены ограничения на объемы добычи и экспорта полезных ископаемых.

Кстати, подобная практика распространена, например, в США и Канаде. США, озабоченные добычей и продажей углеводородного сырья в других странах (причем озабоченность может приводить к применению военной силы, как в Ираке, или угрозе применения, как в Иране), экономят свои запасы и тратят их в значительной степени на собственное потребление, для удовлетворения нужд инновационных отраслей.

Способы ограничения объемов добычи и продажи природных ресурсов могут быть разными и требуют отдельного рассмотрения. Укажем лишь несколько из них:

- а) *резервирование разведанных запасов*. Государство может ввести резервирование определенных разведанных запасов для собственных нужд, т. е. запретить их промышленную разработку;
- б) *национализация всей добычи и продажи природных ресурсов*. Этот метод не вводит прямых ограничений, но ставит весь объем данной деятельности под контроль государства, т. е. позволяет определять объемы добычи и продажи государственными нуждами, а не максимизацией прибыли. Кроме этого, переход всей добычи в государственную собственность автоматически закрывает или существенно ограничивает возможности частного капитала на инвестиции в эту отрасль, т. е. вынуждает его на вложения в другие отрасли экономики. Полный государственный контроль над добычей и продажей природных ресурсов имеет еще один аспект, который требует упоминания. По природно-климатическим условиям Россия вынуждена тратить энергии больше других стран на обогрев, причем как населения, так и производства, и на транспорт. Поэтому, если внутренние цены на топливо сравняются с мировыми, Россия просто не сможет содержать никакую промышленность, включая инновационную. Если Россия хочет остаться суверенным государством с развитой экономикой, она вынуждена будет поддерживать низкие цены на топливо. А легче это сделать, если природные ресурсы будут в государственной собственности;
- в) *введение квотирования на объем добычи и продажи природных ресурсов*. Государство может установить квоты на добычу и продажу полезных ископаемых. Причем квоты могут устанавливаться по видам ресурсов, могут варьироваться по срокам, могут ограничивать только экспорт и т. д.

Способы могут быть и комбинированные. Например, образуется Фонд будущих поколений из разведанных запасов и вводятся квоты на существующую добычу. Важно, чтобы добыча и продажа полезных ископаемых была административно (лучше законодательно) ограничена. В противном случае капитал будет максимально инвестироваться в эту отрасль и стране будет трудно, если не невозможно перейти на инновационный путь развития.

Ограничения на добычу и экспорт природных ресурсов, безусловно, снижают возможности вложения капитала, но это еще не означает, что он будет направляться в инновационную деятельность. Для этого нужна заинтересованность именно в таких инвестициях, которая в основном формируется или возможностью максимизации прибыли, или минимизации потерь. Важнейшим фактором производства, дефицит которого может принести существенные убытки, является рабочая сила.

Этот недостаток можно минимизировать за счет организационно-технических мероприятий. Но важнейшим способом является научно-технический прогресс или инновации. Поэтому, для того чтобы капитал, выво-

божденный в результате ограничений на добычу и транспортировку полезных ископаемых, пошел в инновации, он должен испытывать недостаток рабочей силы.

Из этого следует, что все разговоры о необходимости компенсации демографического провала за счет миграции явно или по недомыслию направлены против инновационной деятельности, так как при возможности компенсировать недостаток рабочей силы более дешевым миграционным способом капитал, безусловно, выберет этот способ.

Надуманность паники по поводу дефицита рабочей силы иллюстрируется простым примером. Практически все так называемые развитые страны, чей ВВП существенно превосходит российский или сопоставим с ним, за исключением США, имеют меньшие или сравнимые трудовые ресурсы.

Это означает, что при тех же трудовых ресурсах, но при наличии инноваций в широком смысле, включающих организацию производства, мы можем добиться такого же уровня экономики. Поэтому надо не призывать или агитировать за мигрантов, а, наоборот, существенно ограничить их приток. Только в этом случае капитал займется серьезными инновациями для компенсации убытков от недостатка рабочей силы.

Вышесказанное не означает, что демографический провал вообще не является проблемой. Но надо решать именно демографическую проблему, а не сиюминутные экономические проблемы с помощью мигрантов, прикрываясь демографическими и угрожая потерей самоидентификации страны. Напомним, что это демографическая проблема российского народа, а не населения вообще, и решаться она должна увеличением российского народа, а не абстрактного населения вообще.

Ограничения ресурсов при капитализме могут носить не только прямой физический характер, но и относительный. Например, стоимостной. Капитал может испытывать не только физический недостаток рабочей силы, но и стремиться уменьшить расходы на нее, т. е. снизить затраты на оплату труда. И именно здесь в первую очередь применяются инновации. Но только в том случае, если рабочая сила дорога.

Дорогая рабочая сила позволяет получить существенную экономию от ее сокращения, окупающую трудосберегающие технологии. Поэтому важнейшим направлением инновационной политики должен быть рост оплаты труда. До тех пор пока в ВВП России доля оплаты труда будет менее 40 %, а в «развитых» странах будет приближаться к 70 %, очень трудно надеяться на существенный инновационный спрос со стороны частного сектора. И не потому что он плохой, а просто он не сможет окупить издержки от внедрения западных трудосберегающих технологий и производство своих.

Помимо капитала в наших условиях ведущую роль в осуществлении инноваций должно взять на себя государство. Можно напомнить слова

Н. Бердяева: «...русский народ был народом государственным»⁴. Он остается им в настоящее время, несмотря на мощнейшую антиэтатическую пропаганду, обрушившуюся на него под флагом борьбы с «тоталитаризмом» и насаждения либеральных ценностей, преимущественно в англосаксонском варианте. Свидетельством этого является сохранившееся в обществе уважение и доверие к понятию «государственный»: здесь и государственные стандарты, и государственные предприятия, как показатель качества продукции, и даже тот факт, что подавляющее большинство населения не переводит свои пенсионные накопления в негосударственные пенсионные фонды. Поэтому можно ожидать, что, если инновационный проект будет государственным, население с большим энтузиазмом будет в нем участвовать.

В первую очередь надо, чтобы государство возглавило и сумело воодушевить народ необходимостью решения какой-нибудь значимой инновационной задачи. Напомним еще одно высказывание Н. Бердяева: «Религиозная формация русской души выработала некоторые устойчивые свойства: догматизм, аскетизм, способность нести страдания и жертвы во имя своей веры, какова бы она ни была, устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, иному миру, то к будущему, к этому миру»⁵.

Говоря современным языком, это означает, что русскому народу для полной мобилизации своих сил нужны великие задачи, и ради достижения которых он готов на самоотверженность и приложения максимум усилий. Недаром русская поговорка говорит: «Замахивайся на большое, по малому только кулак отшибешь».

Современное российское государство подобных целей не ставит. Более того, постепенно в обществе вырабатывается, зачастую принудительно, психология второсортности. В такой атмосфере возможны отдельные локальные инновационные достижения, особенно на остатках советских заделов, но не возможно успешное инновационное развитие России.

Примером может быть разработка фирмой «Сухого» среднемагистрального самолета, причем с непонятным отказом от фирменного российского названия. При этом почти официально заявлено, что мы отказываемся от конкуренции по производству больших самолетов с Боингом и Аэробасом. Этот проект не может считаться значимым для России и не сможет мобилизовать усилия страны по инновационной деятельности. Необходимо поставить задачу первыми создать новый сверхзвуковой пассажирский самолет. Тем более, что масштабы страны позволяют его эффективно использовать даже внутри страны. Такая задача, если она будет воспринята серьезно, сможет вывести наше авиастроение из стагнации и способствовать возвращению российскому народу чувства гордости за свою страну. А без ощущения победителя невозможно добиться успешного инновационного

⁴ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 15.

⁵ Там же. С. 9.

развития, так как в его основе лежит уверенность, что «я могу и должен сделать лучше». Несколько таких задач нужно найти в других отраслях.

При этом желательно опираться на менталитет русского народа и существующее экономическое положение страны. К особенностям менталитета относятся:

- вековая привычка, обусловленная природно-климатическими условиями жизни, к неритмичному, авральному труду с чрезмерным напряжением сил в ограниченный отрезок времени. «У русских „природная“, стихийная сила, сильнее чем у западных людей, особенно людей самой оформленной латинской культуры»⁶;
- творческий характер труда, нежелание и неспособность к рутинной конвейерной работе. Подтверждением этого является худшее качество выпускаемой конвейерной продукции даже при внедрении западных технологий под ключ с обучением персонала;
- поиск простейших, можно даже сказать, примитивных, высокоэффективных решений. Лучшим подтверждением является военная техника времен Великой Отечественной войны.

Необходимы самостоятельные исследования для уточнения наилучшего трудового использования ментальных особенностей русского народа и других национальностей страны.

Поэтому российские инновационные проекты должны быть направлены на разработку штучных, а не конвейерных изделий при ограниченности временных и материальных ресурсов.

Необходимость разработки именно штучных и мелкосерийных изделий определяется и резким ухудшением экономической и геополитической ситуации. Из-за потери значительного рынка сбыта как за рубежом, так и внутри страны мы уже не сможем потреблять внутри страны значительное количество крупносерийной продукции. Соответственно, мы не можем отвлекать значительные ресурсы на ее производство без потери темпов инновационного развития.

В этой связи вызывает определенные опасения та готовность, если не сказать — радость, с которой мы загружаем наши мощности производством пусть и высокотехнологичной, но уже устаревающей продукции по заказу Запада, или для экспорта вооружений. Например, обслуживание МКС вместо США, пусть и на их деньги. Похоже, США просто загружают наши мощности с тем, чтобы, во-первых, освободить свои для выпуска новой продукции, а во-вторых, чтобы у нас не было ресурсных возможностей по ее созданию. Поэтому инновационное развитие необходимо переводить на выпуск преимущественно штучной или мелкосерийной продукции.

⁶ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 8.

Еще одним направлением государственного участия в инновационном развитии должно стать использование средств государственных корпораций. В последнее время складывается впечатление, что такие государственные корпорации, как «Газпром», ощущают и ведут себя как частные транснациональные корпорации, осуществляющие профильную для себя деятельность по всему миру с целью максимизации прибыли. В этом случае не ясно, зачем государству иметь в своей собственности эти корпорации. Для максимизации прибыли лучше приспособлены частные компании.

Государственный статус этих компаний оправдан только в том случае, если их целью является решение государственных проблем, а не просто максимизация прибыли. В нашем случае это означает, что вывоз капитала этими компаниями (в том числе покупка зарубежных активов должен быть максимально ограничен и направлен на финансирование инновационной деятельности внутри страны. Можно сказать, что надо создавать не только государственно-частные партнерства, но и государственно-корпорационные партнерства, понимая в последнем случае под корпорацией государственные организации (АО, ГУПы). В качестве поощрения этим корпорациям могла бы выступать передача им права собственности на научно-технические результаты, полученные при инновационной деятельности совместно с государством.

Другим способом участия государства в инновационной деятельности должно стать резкое ограничение закупок за государственные деньги иностранных товаров и услуг, производимых в нашей стране. Представляется, что до тех пор, пока руководители страны будут ездить на иностранных автомобилях, вряд ли стоит ждать возрождения отечественного автомобилестроения.

Таким образом, государственная промышленная политика в ряду других мер должна включать:

- ограничение добычи и экспорта полезных ископаемых;
- ограничение иммиграции рабочей силы;
- принятие мер по существенному повышению оплаты труда (удорожание рабочей силы);
- существенное повышение значения и роли государства в организации и направлении инновационной деятельности в нашей стране;
- при организации инновационной деятельности учет национального менталитета;
- ограничение вывоза капитала, особенно государственными корпорациями;
- ограничение закупки на государственные средства иностранных товаров и услуг, аналоги которых производятся в нашей стране.